

БАРМЕН ИЗ

ШЕРЕМЕТЬЕВО

ИСТОРИЯ
ОДНОГО
ПОБЕГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСАНДР КУПРИН

Александр Куприн

Бармен из Шереметьево

<https://litres.ru/74493822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва 1981 года. Валютный бар в зоне вылета Шереметьево-2. Здесь весь персонал состоит в агентурной сети, здесь даже любовь контролируется кураторами из КГБ, здесь никто никому не доверяет и все стучат на всех. Бармен убивает в подсобке туалета пьяного клиента-гражданина ФРГ чтобы, воспользовавшись его билетом и паспортом, пройти на посадку и бежать из СССР. Острый сюжет, яркие образы сочетаются в этой книге с детальным описанием специфики и методов работы советских спецслужб.

Автор - бывший сотрудник угрозыска, с глубоким знанием материала рассказывает о жизни героев того времени - от валютных проституток до генералов КГБ СССР.

Содержание

Предисловие	5
Бармен из Шереметьево	6
ПГУ и ВГУ	12
Димка (1981)	20
Племянник и дядя	24
Море	33
Мартин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Куприн

Бармен из Шереметьево

БАРМЕН ИЗ ШЕРЕМЕТЬЕВО

История одного побега

Александр Куприн

Published by Ventura East, Los Angeles

Куприн Александр

Бармен из Шереметьево : История одного побега / Александр Куприн. — [б. м.] : Ventura East.

ISBN 237-0-022-49186-4

Москва, 1981 год. Валютный бар в зоне вылета Шереметьево-2. В подсобке туалета бармен убивает пьяного гражданина ФРГ, чтобы завладеть его билетом, пройти на посадку и бежать из СССР.

Остросюжетная история, наполненная яркими образами, сочетается здесь с детальным описанием методов работы советских спецслужб. Автор — бывший сотрудник уголовного розыска, достоверно и с глубоким знанием материала рассказывает о жизни героев того времени: от валютных проституток до генералов КГБ.

© Александр Куприн

© Денис Лопатин, дизайн обложки

Предисловие

В 1988 году капитан милиции А. И. Куприн за отличие в ликвидации последствий взрыва на станции Свердловск-Сортировочная был премирован поездкой в Италию. Он отправился туда в качестве заместителя руководителя группы советских туристов. Но едва самолет приземлился в Риме, капитан бесследно исчез... а через два дня уже оказался в Нью-Йорке.

Жизнь моего товарища в Штатах достойна отдельной книги — верю, что однажды он её напишет.

Историю, положенную в основу повести «Бармен из Шереметьево», автор услышал от бывшего сотрудника КГБ, перебежавшего в США в 1985 году и имевшего к ней прямое отношение.

Эта книга захватывает с первых страниц и погружает в атмосферу начала восьмидесятых. В ней ярко и в мельчайших деталях показаны методы работы МВД и КГБ той эпохи.

Сергей Лойко, писатель, военный корреспондент **Los Angeles Times**

Бармен из Шереметьево

...Объявляется регистрация на рейс... Выход на посадку у стойки номер... Объявляется...

Вы мне не тот билет даете — это обратный.

Ой, извините.

Постойте. Так вы что — сейчас же обратно вылетаете?

А разве нельзя?

Я все же не понимаю, вы что — даже в город не выйдете?

Не выйду. Не хочу.

Контролерша нажала кнопку-рычажок, и за разговором на своем мониторе стал наблюдать сотрудник ФСБ. Пассажир, конечно, приятный и вежливый, и документы у него в порядке, но что это значит — погулять по Шереметьево без выхода в город? Долго и нудно заполнять анкеты в консульстве, предоставлять справки и фото для получения российской визы, купить билет бизнес-класса и... погулять по аэропорту?

Фээсбэшник, глядя в монитор, прослушал конец разговора и негромко произнес в микрофон:

Девочки, примите клиента с четвертой. На вид до сорока лет, телосложение спортивное, куртка холщовая, оторочена кожей, светло-коричневые ботинки, волосы русые, густые — возможно, парик.

Когда-то в зале выдачи багажа приходилось держать

несколько сотрудников «семерки» и непременно обоих полов, чтобы при необходимости сопроводить объект и в туалет. Теперь же удаленное видеонаблюдение организовано так плотно, что «водить» клиента по территории стало не сложнее игры в компьютерную стрелялку, хотя и живая наружка тоже применяется.

В зале прибытия пассажир был принят операторами камер, доведен и передан на таможенный контроль, где его основательно досмотрели настоящие таможенные контролеры и чекисты, работающие «под таможенным прикрытием», ничего не нашли и выпустили в город. Однако в Москву, как и обещал, странный пассажир не поехал, а начал бродить по зданию аэропорта, пристально вглядываясь в стеклянные двери, лестницы и проходы. Такое его поведение запустило целую государственную машину — за ним уже ходили оперативники службы наружного наблюдения, велась запись с камер, были срочно затребованы персональные данные из анкеты-обращения за визой. И только инженер-установщик, служивший когда-то в КГБ и поэтому имевший допуск к мониторам, угрюмо сказал:

Он вспоминает. Вспоминает и сравнивает.

Что вспоминает? С чем сравнивает? — с некоторым раздражением спросила капитан ФСБ — старшая смены операторов, но бывший кагэбэшник уже отвернулся, чтобы уйти. С возрастом он стал раздражительным и старался избегать ненужных конфронтаций.

Что он вспоминает? — не отстают начсмены.

Строитель это. Скорее всего, из «Рютебау».

А это что такое?

Фирма, которая строила аэропорт. Его немцы строили. Из ФРГ. Фирма «Рютебау».

Хм-м... Не знала.

«Вот ты ж курица, — подумал с грустью пенсионер, — в хорошие времена тебя, такую безмозглую, Женя дальше техника бы не продвинул. Но давным-давно нет Жени- начальника. Сгинул где-то в Афганистане еще в восьмидесятых. Да и самому надо бы уже на покой — аритмия, да еще мерцательная, слово-то какое противное...»

Человека на экранах мониторов он не узнал, хотя эти вот густые волосы кого-то отдаленно напоминали, кого-то из далекого прошлого.

А между тем, побродив полтора часа по аэропорту, пассажир направился к стойке регистрации вновь уже в обратном порядке, прошел таможенный и паспортный контроль, и вот он уже медленно поднимается на второй этаж в зоне вылета.

Прямо здесь, где кончается лестница, когда-то был валютный бар, хорошо известный уходящей московской элите. Здесь наливались пивом из диковинных алюминиевых банок советские спортсмены, сосредоточенно жевали бутерброды с икрой дипломаты, тут заказывал зеленый чай поэт Евтушенко и холодную водочку Володя Высоцкий. Весь цвет, вся богема, все те, кого через много лет назовут глупым иностран-

НЫМ СЛОВОМ

«селебрити», проходили у этой стойки.

Весь «Голубой огонек», — смеялась белозубая барменша Анна Грачева.

Анька... Одиноким пассажир вдруг почувствовал слабость. В баре пусто — он выбрал столик с краю, сел и бросил сумку на соседний стул. К нему неспешно подошел выбритый до синевы, военного вида бармен. Он хотел сказать посетителю, что сейчас здесь технический перерыв, что стулья вовсе не предназначены для багажа, и даже уже поднял палец, чтобы указать на лежащую сумку, но тут у клиента зазвонил телефон, и тот стал вежливо и негромко что-то объяснять по-немецки, а бармену ничего не оставалось, кроме как молча вернуться за стойку. Минут через пять посетитель закончил разговор и задумался, глаза его сканировали помещение, пытаясь зацепиться за былое. Увы, зацепиться было не за что — это, конечно же, был уже совсем не тот бар. Исчезли изогнутые диваны, смешные, совсем не барного типа стулья у низкой и широкой стойки. Да и самой стойки больше нет — теперь это скорее ресторан.

Кольцо! Конечно же, кольцо! Где она — эта дыра, оставшаяся от сбитого пробкой от шампанского «бронзового» кольца с потолка? Весь потолок аэропорта был сделан из этих колец — они лепились друг на друга и как коричневые соты нависали над тысячами суесящихся пчел-пассажиров. Это было визитной карточкой Шереметьево — ни в каком

другом аэропорту, да и, наверное, ни в каком другом здании страны, не было такого. Но нет уже никаких колец — это теперь совсем другой потолок, обыкновенный, как в любом другом аэропорте мира.

Что же они тогда отмечали с Анькой в подсобке? И зачем он не позволил ей открыть бутылку? В его неопытных руках шампанское оглушительно хлопнуло, тяжелая пробка пулей унеслась вверх, да там и осталась. Вместо нее медленно упало одно из миллионов этих самых колец. Оказалось оно вовсе не металлическим, а пластмассовым с бронзовым напылением. Насмерть перепуганные влюбленные спешно заткнули чем-то бутылку и помчались прочь, на выход, через КПП на автобус. Он потом долго разглядывал потолок, пытаясь найти глазами застрявшую пробку, пока дядя Влад, старший бармен- администратор, угрюмо не заметил:

Они уже хорошо запомнили твое лицо. Хватит.

Да — потолок аэропорта сделан из колец, чтобы маскировать объективы камер наблюдения — это была дежурная шутка всех работников Шереметьево-2 в те годы. Да и пассажиры, надо полагать, думали точно так же.

Es tut mir leid, geht es Ihnen gut? — прикоснувшись к плечу посетителя, с неподдельной тревогой спросил бармен и поставил перед ним стакан с холодной водой.

Ой, простите ради Бога, — ответил тот по-русски, — голова закружилась. Могу я посидеть тут еще пару минут?

Да сколько угодно, что вы. Позовите меня, если вдруг ста-

нет плохо, — я вон там с бумагами буду.

Ох, эти бумаги... Акт передачи смены, товарный отчет, требование на склад и что-то еще и, наконец, важнейшее — отчет о полученной валюте. Ошибка в любом документе могла стоить работы. В то же время, если хорошо и правдоподобно подогнать цифры, можно было за смену только на отчетах вывести в карман до сотни рублей.

Работа с бумагами — это творческая работа, — повторяла Анька чью-то фразу, — отнесись к ней с душой, и прилипнет сладенький столбик! Она складывала из сторублевки маленький самолетик и, держа его над головой, шла-летела с ним в подсобку.

Ведь вы не откажетесь пойти сегодня с дамой в «Метелицу»? — и прижимала его грудью к ящикам с минералкой, а в глазах ее блестели мириады огоньков-смешинков.

Подняв голову от бумаг, бармен смотрит на своего единственного посетителя. По-детски подперев лицо двумя кулаками, пассажир глядит куда-то вдаль, в глубину ушедших лет, и бармену даже померещилось, что по щеке гостя бежит слеза.

Нет-нет, не нужно в медпункт. Да вот уже и посадку объявили. Спасибо вам. Спасибо...

Разговаривая по телефону уже по-английски, гость подхватил полупустую сумку и отправился на посадку. Странный пассажир.

ПГУ и ВГУ

Самое главное и самое престижное в КГБ, конечно же, Первое главное управление — ПГУ (разведка). Это — мечта молодых романтиков, по зову сердца стремящихся в Комитет. Многих из них, увы, ждут горькие разочарования. По возвращении из первой же ДЗК (длительной заграничной командировки) они с печалью обнаружат за собой «наружку», их телефоны будут прослушиваться, карьера остановится. Долгими часами, сжав голову руками, будет вспоминать оперативник, где и когда он мог дать повод к подозрениям. Кто из товарищей мог быть автором «сигнала»? Печаль, однако, в том, что никакого сигнала могло и не быть — человек вернулся из-за линии идеологического фронта и кто знает, кто знает...

Сотрудники же Второго главного управления — ВГУ (контрразведка), в заграничной командировке почти не отправляются, и в этом плане их карьера, конечно же, более предсказуема, жизнь и служба попроще. От них, например, не требуется легендироваться по месту жительства — соседи и друзья могли знать, что такой-то служит в КГБ, а вот для каждого «пэгэушника» готовилась история прикрытия — как правило, соседям он представлялся как инженер «номерного» завода, да много было и других заморочек. Абсолютное большинство сотрудников Первого ГУ КГБ СССР нико-

гда в жизни не пользовалось служебным удостоверением — для прохода в комплекс «Ясенево» применялся пластиковый пропуск без фото и без имени, а демонстрировать коричневые корочки с тремя тиснеными буквами КГБ для проезда в метро никому не приходило в голову. Нет, как ни крути — служить в «Вэ-Гэ-У» гораздо предпочтительней.

Старший оперуполномоченный Управления «Т» Второго главного управления КГБ СССР майор Валов вышел из магазина «Детский мир». В правой руке он нес портфель-дипломат, в левой же ловко, как фокусник, держал два эскимо. Щурясь на выглянувшем солнышке и поглядывая на часы, он одну за другой съел обе порции, бросил палочки в переполненную урну, перешел улицу и скрылся в здании номер 2, что по улице Дзержинского, бывшая Большая Лубянка. Здесь, на четвертом этаже с окном на Внутреннюю тюрьму, где теперь расположилась столовая, находится его рабочий кабинет но застать в нем Валова непросто. Гораздо чаще его можно видеть в одной из комнат без табличек в главном корпусе Шереметьево-2, что прямо за Депутатским залом, в подвальном помещении аэропорта за стальной дверью с надписью «Гражданская оборона», где находилась электронная, видео- и аудиоаппаратура и посменно дежурили операторы, никакого, конечно же, отношения к ГО не имеющие, либо же просто в зале вылета, где он с отрешенным видом прохаживался, изображая пассажира. Часто он просто сидел в баре со своей обязательной двойной порцией мороженого. Конечно

же, весь персонал знал, кто он такой — никаким секретом это не являлось. Называли его между собой «наш куратор от КГБ» или просто «куратор». По сути, именно зона вылета и была его местом работы, своего рода полем битвы — здесь, как шахматные фигуры на доске, размещались его доверенные лица и агенты, установлена и замаскирована спецтехника. Валов имел информаторов среди уборщиц, сотрудников «Аэрофлота», таможенников и пограничников.

Не то чтобы советский человек был от природы скрытен и молчалив, но, будучи пойманным на мелкой краже, взятке, аморалке или любом другом проступке, влекущем суд и увольнение, человек этот становился чрезвычайно разговорчив и вываливал горы подчас неожиданной и, как правило, не имеющей отношения к линии работы КГБ информации. Такой кандидат тщательно проверялся, у него отбиралась подписка с обязательством добровольно сотрудничать с органами, выбирался псевдоним, согласовывались график и порядок секретных встреч. Майор презирал «инициативников» — тех, кто добровольно напрашивался на разговор и приносил информацию. Таковых было огромное количество, да что говорить — все работники Шереметьево были не прочь стучать в КГБ, но Валов — опытный опер и понимает, что все эти добровольцы на самом деле хотят использовать его самого — майора Валова. Кто-то хочет через него свести счеты, кто-то продвинуться по службе, кто-то, наоборот, — в ожидании будущих проблем желает с ним завязаться для

возможной отмазки. Майор никогда не отказывался послушать, но доверял в первую очередь своим проверенным агентам, завербованным на железной компре, обязанным ему и увязшим в своем стукачестве. В официальных документах это называется «агентурная сеть», и через эту сеть день и ночь шли потоки иностранцев — они выпивали, закусывали, покупали сувениры, догадываясь, конечно, что вот эта регистраторша или вон та веселая барменша так или иначе имеют отношение к «кейджиби», но, что делать, — холодная война в разгаре и таковы правила игры. Сеть приносила огромный массив информации криминального характера, или, как ее называли в КГБ, «информации по милицейской линии» — все это тщательно записывалось, но никогда в милицию не передавалось, чтобы не допустить расшифровки источника. Сказать, что по этим данным вообще не проводилось никакой работы, нельзя — чаще всего эта информация использовалась для вербовки новой агентуры.

Иностранцы в чистом виде Валова почти не интересовали — это прерогатива и головная боль престижного Первого главного управления КГБ СССР, а интересовали его советские граждане, активно ищущие контактов с иностранцами — вот за такую наводку информатор мог получить денежную премию, отмазку от любых неприятностей, а в некоторых случаях и государственную награду. Вручались такие награды секретным указом Президиума Верховного Совета СССР, носить их было нельзя и даже похвастаться перед со-

седями, родственниками было невозможно... Впрочем, у Вало-ва таких орденосцев на связи никогда не было.

А были люди все больше простые, попавшие в разное время в жизненные передряги, и передряги эти, будучи опи-санными в агентурных сообщениях других подобных людей, легли на стол майора. Вот и сейчас на его столе лежат два дела: одно тоненькое с надписью «Личное», а второе — тол-стое, на обложке написано «Рабочее» — дело оперативной переписки, и жирным фломастером в скобках — агент «Ла-рин». Валов еще раз взглянул на часы, сложил обе папки надписями друг к другу и отправился к начальнику. Началь-ник Управления «Т» (контрразведовательные операции на объектах транспорта) сидел на третьем этаже в просторном и светлом кабинете, куда когда-то пришел из аппарата ЦК КПСС во время кампании по «усилению органов». Вало-ва он ценил как лучшего опера, но, не имея на него весомой компры, несколько опасался. Вообще-то, они не должны бы-ли встречаться по службе — у майора был непосредствен-ный начальник, но он только что ушел в отпуск, оставив за себя Вало-ва. Выслушав подчиненного, генерал погрузился в чтение «Личного дела».

Майор пришел со странной просьбой — разрешить при-ем на работу в качестве грузчика родного племянника аген-та «Ларина». Этот «Ларин» работает барменом в зоне выле-та Шереметьево-2 и буквально умоляет не препятствовать трудоустройству племянша. Все документы в «Интуристе» он

провел сам, пользуясь своими обширными связями — осталось лишь получить добро от Комитета.

Я что-то не очень понимаю, зачем ему нужен на работе родственник. И еще меньше понимаю, зачем это нужно нам, — с сильным ударением на последнем слове спросил генерал.

Тут нет ничего нелогичного, — спокойно отвечал майор, — в баре не проходит ни одной пересменки без недостат. Обычно грузчики воруют пиво и сигареты. Пиво выпивают, раскалывают пустую бутылку, чтоб списать ее в бой, а фирменные сигареты просто выкуривают в подсобке чтобы не попасться с ними на контроле. Бывает, откручивают коньячные крышки на два оборота и высасывают по десять-двадцать грамм, чтобы сразу не было заметно. Сейчас у них грузчика нет — все сменные бармены приходят на час раньше и возят товар на тележках сами. Жалуются, но это лучше недостат. Непьющий грузчик, к тому же родственник старшего бармена-администратора, очень им нужен.

Ну хорошо, а нашему ведомству какой прок от непьющего грузчика? — вновь делая ударение на слове «нашему», спросил начальник.

Никакого. Но «Ларин» никак не был поощрен за ту перламутровую икону.

Цесаревича Алексея? — оживился генерал.

Ну да. Все же случилось прямо у него в баре...

Так ведь вся слава смежникам ушла! За это бы его нака-

зять надо! — воскликнул начальник и заразительно расхохотался. Это была громкая история с женой африканского дипломата, пытавшейся на подвязках между ног вывезти старинную икону и чуть не задушившей опера Шубина из Десятого отдела ВГУ КГБ СССР (борьба с контрабандой) его же собственным галстуком. Тогда наградили многих из «десятки», негритянку выдворили, а Саша Шубин стал начальником отделения.

Ну я же не могу говорить агенту, что контрабанда не наш профиль, что Управление «Т» и «десятка» не одно и то же.

Это — да! Это безусловно, — сразу согласился шеф, — но, может, его деньгами поощрить?

Вы, очевидно, не понимаете, сколько они там имеют, — медленно и довольно грубо отвечал Валов, глядя почему-то в окно, и глаза его, сузившись, налились ненавистью, — так я вам скажу: до трехсот рублей в день! В день! А за Олимпиаду этот труженник отбил себе однокомнатный кооператив!

Начальник, пораженный такой тональностью, хотел поставить опера на место, но тот продолжал, не замечая:

Бармен чаевыми в рублях и валюте за пятидневку получает больше, чем мы с вами вместе за месяц! Это они нас с вами могут деньгами поощрить, — и, заметив, как генерал изменился в лице, резко замолк.

Ну ты давай эмоции-то попридержи и объясни: от меня-то ты чего хочешь? Зачем ты ко мне пришел? Ты ведь и сам можешь этого племянника легко провести.

Не могу. Они близкие родственники. В приказе сказано: «в особых случаях».

В каком приказе? — машинально спросил бывший партиец и сразу пожалел.

Два ноля шестидесятом, — с удивлением ответил майор.

"Ах ты ж, сука!",- расстроился начальник и, чтобы закрыть тему, сказал:

- Ну давай рапорт. И написал в левом углу - "СОГЛАСЕН".

Димка (1981)

По-детски подперев лицо двумя кулаками, сквозь мутное стекло плацкартного вагона Димка рассматривает заплывающий перрон. Не сказать, чтоб это было уж такое захватывающее зрелище, но так положено — пассажир должен смотреть в окно. Закутанные в одинаковые телогрейки и серые шали шарообразные, толстые бабки, а может, и не бабки вовсе, а вполне себе молодые женщины — понять это невозможно, бойко торгуют нехитрой снедью: семечки, пирожки с картофелем или капустой, беляши... Беляши, конечно, следует взять в кавычки — мяса там никакого нету: Димка выяснил это, отравившись ими еще в Хабаровске. Сероватая масса имеет привкус настоящего мяса, но что там такое — доподлинно неизвестно. Говорят — смесь субпродуктов с соей. Еще говорят — из бродячих собак. В любом случае в дороге беляши лучше избегать — два дня молодой организм извергал жидкость.

Ну ты, Дима, сегодня Первый на Горшке! — дразнил его веселый зэк, досрочно откинувшийся по болезни. К счастью, это прозвище не прижилось, и до конца путешествия Димка остался Димкой. Зэк этот по слабости почти не покидает полку.

Вот. Еду домой становиться на путь исправления, — горьковато шутит он, — так в справке написано.

Народ в вагоне третий, и все знают, что речь идет о справке об освобождении, а не о медицинском документе, но шутить никто не решается — уж очень тема невеселая. Видно по блеску запавших глаз, что отпустили его помирать. Понимал ли это он сам — неизвестно, но шутки его были беззлобные, хорошие такие шутки. Вокруг всегда сидели несколько попутчиков и периодически слышался хохот.

На перроне под блекло светящимися буквами «Свердловск — Пассажирский» Дима купил у круглых теток горячую картошку в куле из газеты и два дряблых соленых огурца. Ножиком он аккуратно срезал с картофелин отпечатавшуюся газетную типографскую краску и без аппетита поужинал. Краска на газете была черная, а на картошке отпечатывалась почему-то синим. Он надолго задумался. Но вовсе не над этим феноменом газетных цветов. Жизнь, как писали в старых романах, дала трещину, и нужно было как-то с этим справиться, что-то изменить, сделать поворот.

Дима — парень замкнутый, любит больше послушать других, но дорога... Дорога развязывает языки лучше любого следователя.

А потерпел пару годков — плавал бы на ледоколе «Ленин» и кормил с палубы пингвинов.

Каких пингвинов? Откуда в Арктике пингины? — искренне изумляется Димка

Как нету? Куда они делись? Я в телевизоре видел, — вмешивается в разговор кто-то невидимый с боковой полки, но

Дима не считает нужным отвечать на такую вопиющую глупость, даже головы не поворачивает, и повисает пауза.

А что — трудно в эту мореходку поступить? — спрашивает зэк просто для того, чтобы разговор не заглох.

Да не, я ж после армии. Легко приняли.

Ну а че бросил-то, Дим? Не потянул?

Ну не мое это. Да и в армии казарма надоела...

А что твое, знаешь? Ну хоть примерно? Да не отвечай. Мне и самому вон уже пора примерять деревянный костюм, а я даже близко не ведаю, что было мое и как я его проебал... В Москве, говоришь, дядька у тебя?

Димка, может, и рад бы поболтать за жизнь со старым торжанином, но без вот этого его вечного антуража из добровольных слушателей. С ними это сильно напоминает какое-то комсомольское собрание, и Дима сворачивает разговор, идет к себе на полку и смотрит в засиженный мухами потолок. Нерадостные мысли бродят в его голове.

Да, есть у него дядька в Москве. Есть. И жуть как не хочется обращаться к нему за помощью, да вот отчего-то жизнь с веселой лихостью обрубает Димке все пути-дороги и ведет его напрямик к Владу.

Дядя Влад был директором кафе с соответствующим названием «Кафе» и примыкавшего к нему магазина «Кулинария». Был он одинок и, возможно, поэтому очень заботился о своих немногочисленных родственниках — сестре и племяннике. Помогал продуктами, помогал деньгами. По-

могал советами и протекцией. Работник общепита — солидный и уважаемый член советского социума. Каждый, абсолютно каждый обыватель, от инженера до прокурора, ищет знакомства с ним.

А через пару дней поезд унес призывника отбывать два самых бездарных и бессмысленных года его жизни.

В письмах от матери дядя регулярно передавал приветы, а когда она окончательно заболела и слегла — писал сам. В 1979-ом, зимой, Димку отпустили на похороны. На поминках директор оборонного НИИ специальной техники сказал, что, хоть жилье и служебное, — он готов полгода держать квартиру при условии, что Дмитрий по возвращении поступит на предприятие. Но солдат уже знал, что он никогда не вернется ни в этот двор, ни в этот город и уж тем более — на этот оборонный закрытый НИИ.

Через полгода тоска армейских казарм закончилась и рядовой Дмитрий Климов в небольшой компании таких же дембелей вышел за ворота части. Однако вместо аляповато расшитой бисером формы на нем была куртка-штормовка, вместо чемодана с тяжелым дембельским альбомом — полупустая спортивная сумка, где болталась нехитрая одежда, а на самом дне — военный билет да документ, называемый «Требование» и дающий советскому дембелю право на бесплатный железнодорожный билет. Пунктом назначения солдат выбрал далекий город Владивосток.

Племянник и дядя

Ну, вроде все утряс, — сказал Влад, — в пятницу выходишь на работу.

Бешено заколотилось Димкино сердце — слишком уж невероятной казалась ему удача. Четвертый месяц он жил в дядиной новенькой кооперативной квартире на Ленинградке и жил, по его собственным представлениям, вовсе даже неплохо. Квартира, хоть и однокомнатная, оказалась очень немалой, с большой лоджией и огромной кухней. На этой самой кухне у Влада стоял сделанный под заказ угловой диван. Одна сторона этого дивана была широкой, а вторая поуже. Вот на этой широкой стороне и спал Димка, спрятав шмотки свои в большие выдвижные ящики. Влад дома бывал редко, а когда бывал обычно крутил диски на своей многотысячной супераппаратуре да читал журналы на английском, которыми он с кем-то обменивался.

Закончив с отличием МИНХ им. Плеханова, Влад довольно быстро начал продвигаться вверх, но вдруг заскучал и попросил перевода из Мособлпищепрома директором в небольшое кафе в Измайлово. С некоторым недоумением просьбу удовлетворили, и наступило прекрасное время свободы и хороших денег.

В совершенстве зная отчетную часть, Влад вечерами, после закрытия, переделывал практически все бумаги. Ста-

ренькая бухгалтерша Нина Ивановна давно просилась на пенсию, жалуясь на ухудшающееся зрение, но вместо пенсии новый директор поднял ей зарплату и освободил от половины расчетов, взяв их на себя. Старушка не могла поверить такому счастью, а предприятие довольно скоро стало работать почти как частное — наверх уходили аккуратные отчеты и выручка, чуть выше той, что сдавал предыдущий директор. Значительная же часть оставалась Владу. Кафе давало совсем немного, может, лишь десятую часть от оборота кулинарии, но, сдавая его под свадьбы и юбилеи нужным людям, молодой директор обрастал знакомствами. Кулинария же предоставляла огромный простор для заработка. Хорошие деньги приносили, например, кости. Влад получал от мясокомбината по два ПАЗика костей в неделю. В эти дни он привозил в кафе племянника Димку в помощь грузчику Степанычу и те вдвоем специальными кривыми ножами срезали с костей хрящи и остаточное мясо, которые шли в кулинарию для изготовления пирожков и пельменей, которых и в прејскуранте-то не было, а голые кости развешивались в кульки — из-под ценника с надписью «суповой набор» их живо разбирали неискушенные советские инженеры и служащие. Были и многие другие относительно безопасные схемы, впрочем, все это пришлось оставить ради валютного бара в Шереметьево.

Неожиданному приезду племянника Влад очень обрадовался, и не столько потому, что это был единственный его

родственник на всем белом свете, а скорее оттого, что жизнь Влада в этом 1981 году как-то застопорилась. Проблемы начались еще два года назад — периоды тяжелых депрессий сменялись подъемом, но бурный 80-ый с его Олимпиадой и переходом на работу в Шереметьево как-то на время выровняли психику. Быт был устроен, перемен на работе ждать тоже не приходилось, и, когда почта принесла письмо из далекого Владивостока, Влад ожил и стал с нетерпением ждать племянша. Племянник Дима был не только единственной родной душой, но и довольно интересным, в чем-то необычным человеком.

С детского сада и до седьмого класса школы Димка точно знал свое будущее. Он будет путешественником! Его смешили разговоры сверстников о профессии космонавта или военного, ведь друзьям-мечтателям ничего о космонавтике или военном деле не было известно, а Дима о деле своей будущей жизни знал все. Знал досконально. Ничего специально не заучивая, он легко мог назвать столицы всех государств. Он знал, с какими странами граничит, например, Парагвай, и легко мог найти на карте город со смешным именем Папезте. Не было никакой проблемы уложить маленького Диму в кровать — он просто закрывал глаза и перед ним появлялся огромный, медленно вращающийся глобус с рельефом гор и синими океанами. Оставалось только взглянуть да хоть в южную оконечность Чили, приблизить ее, и вот в лицо Димке летят соленые брызги мыса Горн, в воздухе

стоит крик тысяч чаек, и пацан засыпает, улыбаясь. Однако примерно в седьмом- восьмом классе он начал осознавать всю катастрофичность своего положения — положения советского школьника. Первой утопичность его жизненных планов попыталась разъяснить мать, но это оказалось не просто, как вообще непросто отнять у человека мечту, и Димка обиделся не на систему, а на свою одинокую, тяжело работающую маму. Ему казалось, что будь она, например, секретарем обкома партии, то он вполне смог бы стать путешественником. Вон Юля из параллельного класса съездила с родителями в Болгарию, а у нее папа лишь комсомольский, даже не партийный, работник! Ближе к окончанию школы пришло и сформировалось уже ясное и полное понимание ситуации, но при этом мечты детские никуда не исчезли — десятиклассник Дима точно так же хотел видеть мир. География и красоты Родины его почему-то не интересовали — ни белые ночи Ленинграда, ни лесные просторы ударно строящейся Байкало-Амурской магистрали. Кроме того, понимание того, что его мечта неосуществима именно из-за политического устройства страны, сделало его настоящим врагом системы, но врагом тихим, пассивным. Он начал слушать «Би-Би-Си» на английском и «Голос Америки» на русском, но интересовали его не диссиденты и преступления режима, а то, что реально происходит в мире и как люди живут за границей. Бороться он ни с кем не собирался, зато твердо решил бежать из этой страны, бежать любым путем,

любым способом. Проблема, однако, была в том, что ни путей, ни способов побега не существовало — каждый из многих тысяч километров советской границы охранялся истово и охранялся в основном от пересечения изнутри. Целые области были объявлены погранзоной, в некоторых местах ширина этой запретной зоны доходила до двухсот километров — даже приблизиться к контрольно- следовой полосе было немыслимо. Нечего было и думать о пересечении сухопутной границы — этот вариант пришлось отбросить. Между тем отзвенел последний звонок и школа закончилась.

Слушай, он летит в Ригу, — звонила Владу растерянная мать, — поступать в какой- то авиационный институт.

Действительно странно, — опешил дядя, — не помню за ним никакой тяги к небу...

Влад! Надо его отговорить. Пусть идет в наш.

Я попробую.

Но в «наш» — единственный в Зеленограде ВУЗ — Институт электронной техники, Димка документы не сдал, а полетел в Ригу, хотя и сам оценивал свои шансы как невеликие. Вскоре после провальной попытки поступить в Рижский институт инженеров авиации в почтовом ящике обнаружилась повестка в военкомат. Мечтатель отнесся к этому спокойно и решил проситься служить в погранвойсках. Ночь за ночью его

преследовал один и тот же сон, в котором он, швырнув в сторону автомат и фуражку, резво бежит через вспахан-

ную КСП — контрольно-следовую полосу, прочь от Страны Советов. Поборов колебания, Димка направился к своему единственному родственнику за содействием. Ведь Влад знает всех и может все — должен же у него быть блат в военкомате! Ведь это вовсе не трудно — помочь племяннику попасть на службу в погранвойска. Дядя выслушал сбивчивую просьбу, стал задавать вопросы, потом стал в упор смотреть на племянника, надолго замолчал и вдруг спрятал лицо в руках. Дима знал, что дядя у него чувствителен и сентиментален, но тут испугался не на шутку. Влад же резко поднялся и, открыв финскую «стенку», достал карту СССР. Расстелив ее перед притихшим родственником, он стал нервно обводить карандашом всю огромную границу, протыкая при этом бумагу.

Вот, вот, вот и вот!!! — зашипел он, показывая протяженность советских границ от Китая до Ледовитого океана. — А во-о-от этот крохотный кусочек — турецкая граница. Ведь ты уже знаешь, что финны и иранцы сразу выдают перебежчиков обратно??? Знаешь???

Дима не знал, но с готовностью кивнул. Влад пальцами вырвал участок границы с Турцией и дал этот клочок бумаги Димке.

Бери этот кусочек, прикладывай вдоль всей остальной границы и считай!

И что это будет? — прошептал ошеломленный племянник. — Зачем это?

А эта дробь, эта единица, разделенная на то, что ты насчитаешь, и будет твой шанс, твой один из тысячи шанс попасть именно на этот участок!

Позже, уже в армии, Димка узнал, что на турецкий участок границы СССР существует особый отбор — шансов не было вовсе!

Контрольно-следовая полоса после этого разговора ему больше никогда не снилась. Отношение к нему Влада стало совсем иным — внимательно-настороженным. Дядя, зная о детских мечтах племянника, и представить не мог, что все эти мечты живы, что Димка их не перерос, не забыл, не отказался от них.

Влад и сам мечтал вырваться из СССР и даже когда-то пытался зарегистрировать брак с одной веселой одесситкой еврейского происхождения. Кончилось все, впрочем, ужасно. Он предложил ей деньги. И немалые. Однако, результат был совершенно противоположным — это вызвало у несостоявшейся невесты взрыв негодования, погасить который оказалось непросто — она уже видела себя в Бруклине с мужем-красавцем, который к тому же обязан ей своим выездом. Не все одесситки любят только деньги.

Далее следовала провалившаяся попытка устроиться на круизное судно в Черноморском пароходстве, где он, слава богу, получил отказ на самой ранней стадии — ему объяснили, что без залога в виде любящей супруги и пары карапузов на берегу в заграничный круиз его никто не выпустит. По-

степенно надежда вырваться из страны угасала, а на смену ей пришли затяжные депрессии, а через несколько лет Влад уже и не был уверен, хочет ли он уехать. Он не вполне легально, но относительно безопасно зарабатывал громадные по меркам советского обывателя деньги, быт его был устроен и налажен, но именно с умершей мечты началось незаметное со стороны расстройство его психики. Впрочем, помощь и участие в жизни немногих родственников отвлекала Влада, придавала его жизни особый смысл.

Сестра его разрывалась между работой и врачами, и дядя решил серьезно поговорить с племянником. Вопросов он задавать не стал — очень боялся толкнуть пацана к прямой лжи, что было бы болезненно для обоих, а просто попросил выслушать.

Видишь ли, в твоём желании свалить нет ничего необыкновенного. Тысячи мечтают об этом, многие попытались и теперь гниют по зонам, и лишь единицам это удалось. Единицам. И ничто не говорит за то, что ты попадешь в их число. Мой тебе совет

не дергайся! Загубишь, сломаешь себе жизнь.

Так ведь это вовсе и не моя жизнь получается, — с тоской отвечал племянник.

Ну послушай — есть способы уехать легально. Надо жениться на еврейке. Поедешь в Бобруйск или в Черновцы — оттуда выпускают на ура. Сходи в свою эту армию, и начнем тебе искать вариант, — неубедительно говорил дядя, но

Димка его не слушал — в восемнадцать лет два года кажутся вечностью, а ему очень хотелось сбежать немедленно.

Чего ж ты сам-то тогда не уехал? — простодушно поинтересовался он.

Ответить на этот вопрос невозможно — не рассказывать же подростку о своих поражениях на этом пути, о том, что родной дядя является информатором КГБ, о том, что его, поневоле знакомого с методами работы этой организации, теперь вообще никто и никогда из страны не выпустит.

Так я как-то и не хотел, — вновь соврал Влад, тяжело вздохнул и отвернулся.

А племянник ушел в армию.

Море

Никакого конкретного плана, конечно же, у Димки не было. А было подспудное, интуитивное желание оказаться на границе. Как именно он эту границу пересечет, он пока не знал, но эта сила притяжения направляла и контролировала все его поступки, все действия. Именно эта сила и погнала его после армии во Владивосток, где, как ему казалось, можно устроиться матросом на судно и прыгнуть в каком-либо иностранном порту. Идею ему невольно подкинул сослуживец, старший брат которого служил в торговом флоте. Историй об этом брате было великое множество — о приключениях в иностранных портах, о любви смуглой кубинки, об огромных деньгах и прочее. Димке хотелось верить в эти полные несовпадений и логических тупичков, но такие восхитительные рассказы. Как раздираемый подозрениями супруг порой склонен сам додумать вранье своей гулящей половинки, он довольно долго заставлял себя принимать все эти сказки на веру. Но в конце концов стал склоняться к мысли, что три четверти услышанного — низкохудожественный мусор. Разочарованный Димка решил вырвать эту морскую тему с корнями из своей головы и забыть, как вдруг в гости к казарменному сказочнику приехал его брат — сухощавый одессит по имени Стас, моторист контейнеровоза «Сальвадор Альенде». Выяснилось, что по меньшей мере половина

казарменных сказок — чистая правда. Раскрыть суть своего интереса Дима не мог и поэтому принялся детально расспрашивать о зарплате. «Рядовой моряк торгового флота - матрос, моторист, электрик, повар и т. д., на судах Министерства морского флота получает в месяц примерно 100—120 рублей зарплаты, — пояснил Стас, — но если судно пересекает границу, то моряку положена дополнительная выплата, которая составляет 22,5% от его советской зарплаты. Когда же корабль заходит в иностранные порты, то эти 22,5% можно получать валютой порта захода: если в Германию, то в дойчемарках, в Болгарию — в болгарских левах, в Турцию — в турецких лирах, в Грецию — в греческих драхмах и т. д. Платят еще дополнительно чеками за мойку трюмов на сухогрузах после кубинского сахара, мойку танков на танкерах, раскрепление и закрепление контейнеров на контейнеровозах по 25 копеек бонами за каждый контейнер. Боны следует продать на берегу перекупщикам из расчета один к пятнадцати, и, таким образом, матрос полулегально получает в среднем 450—550 рублей в месяц. Можно, конечно, истратить все чеки на джинсы и сигареты во внешнеторговом „Буревестнике“, а потом самому перепродать — тогда получится еще больше, но мне лень, да и впadlo фарцевать», — признался Стасик.

Картинка получалась завораживающая. «Даже если сбежать сразу не получится, то хоть деньжищ заработаю», — сладко размышлял Дима. Печалило то, что, по словам Стаси-

ка, без серьезного блата устроиться на заграничье в Черноморском пароходстве было немыслимо, и Димка решил испытать судьбу на Тихом океане — так сразу после дембеля бывший солдат оказался в ветреном Владивостоке.

Очень быстро выяснилось — устроиться можно лишь на тральщики или лесовозы, что ходят к Северу и возвращаются во Владик. Ни о каких вакансиях на торговые суда дальнего плавания в отделе кадров пароходства не знали. С отчаянья Димка решил записаться на рыболовецкий сейнер, приписанный к конторе со странным названием «Рыбакколхозсоюз».

Не нужно тебе это, пацан, — медленно, после паузы, сказал ему старый кадровик, разглядывая открытое и чистое Димкино лицо, — озлобишься только.

Это почему?

Ну ведь есть же у тебя знакомые, что мотали срок? Есть же? Рассказывали про порядки в зоне? Ну вот эти корыта с дизелями — они как зона общего режима. Убить не убьют, но надломят. А ты чего вообще от моря ищешь?

В загранку хочу. Мир посмотреть, — неожиданно признался Димка и покраснел.

У-у-ух!.. Тяжелая история.

Тут Дима на себя разозлился — как это он так просто, за несколько минут, раскрыл незнакомому человеку свои самые тайные мысли? Но собеседник его тему загранички больше не затрагивал, а очень дружелюбно продолжал расспра-

шивать за жизнь. Не нравились бывшему бухгалтеру, а теперь кадровику, приехавшие из средней полосы романтики моря, влюбившиеся в него по книжкам. В Димке он любви к океану не увидел, зато вспомнил себя молодым и жаждущим познать этот огромный мир, вспомнил, как сам подумывал в послевоенный голод сбежать куда-нибудь, где тепло и фрукты, да много чего вспомнил, о чем лучше не говорить...

Анатолий Никитич, так звали кадровика, забрал аттестат, военный билет и армейскую характеристику, выписал пропуск в общежитие и велел зайти завтра под конец работы.

«Станный какой-то дед, — сокрушался про себя Димка, — как легко он меня разговорил! Наверняка какой-то чекист в отставке».

В армии к нему, как, наверное, ко всем другим солдатам, подкатывали особы, но разговор их был совсем другим — наглым, напористым и с попыткой запугать. Кадровик же был доброжелателен и... безразличен. Тем не менее он легко заполучил главную Димкину тайну. Эх-эх, надо быть поосторожней!

Владивосток Димке не понравился пронизывающей сыростью, грязью и серостью зданий. Совсем не так представлял себе вчерашний солдат портовый город. Никаких иностранных моряков в беретах с помпонами на улицах не было и в помине. Сам порт напоминал какой-то огромный ржавый завод — в маслянистой радужной воде плавал мусор, ревели гудки, скрипели тросы. Было зябко и хотелось поскорей

уйти от берега.

Кадровик встретил Диму легким перегаром и протянул ему направление в Находкинскую мореходку. «Иначе, — объяснил он, — ты просто потеряешь время, делая черную работу на лесовозах или рыболовецких судах. А после мореходки есть шанс попасть сразу на сухогруз, открыть визу». Он дал еще несколько важных советов и настоятельно рекомендовал... продвигаться в комсомоле. Это поможет быстро и без проблем открыть эту самую визу. Иначе, не имея на берегу прямых родственных связей, это сделать будет очень непросто. Дима уже в деталях знал, что означает эта беспрецедентная, нигде больше в мире не известная штука — выездная виза. Советские матросы делились на два больших класса — с открытой визой и без: последним позволялось работать лишь на внутренних линиях, без захода в иностранные порты.

Обуреваемый сомнениями дембель бродил еще пару-тройку дней по Владику и перед отъездом в Находку снова зашел к Анатолию Никитичу.

А он тут больше не работает, — сказала ему грузная женщина с усиками. — Вышел на пенсию.

И Димка стал курсантом Находкинской мореходной школы, впрочем, ненадолго. Мореходка мало чем отличалась от армии, влезть в комсомольскую работу, как насоветовал добрый кадровик, оказалось невозможным — тут полно было настоящих пламенных, да и противно это до омерзения, ес-

ли честно. Довольно быстро Дима понял, что выбрал очень и очень долгий путь к своей мечте — выпускники в загранку почти не назначались, самым же странным было то, что никто из будущих матросов и не стремился к этому! Гораздо заманчивей представлялось им назначение в «печеночники» — рыболовные суда, специализирующиеся на добыче печени трески. Зарплаты там были почти в два раза выше, чем, например, у тральщиков. Рейсы короткие — все это притягивало гораздо сильнее, чем мифические тропические порты, ром и мулатки с черными, как южная ночь, глазами. Курсанты делились на две примерно одинаковые по численности группы — романтики моря и жители портовых городов, другой профессии и не знавшие. Среди романтиков попадались интересные персонажи, настоящие фанатики. Комсоргом курса, например, был молдаванин, никогда до приезда на Дальний Восток моря не видевший. И таких заочно влюбленных в стихию жителей материковой части страны было немало. Учились они, как правило, гораздо лучше местных и от мечты своей отказаться не торопились. Проблемы у романтиков обычно начинались после выпуска и распределения на ржавый лесовоз с мятым корпусом, плещущимся в трюме мазутом, раздолбанными двигателями и блатной командой. Но это — потом, а пока все учились, воспитывали в себе строителей коммунизма и изучали материалы XXV съезда партии. Димку накрыла вязкая серая тоска — все это казалось ему совершенно неинтересным, каким-то глупым

продолжением службы в армии, а вскоре прозвенел первый звонок — его вызвали на комсомольское собрание и начали воспитывать за противопоставление себя коллективу, замкнутость и неучастие в общественной жизни. Посвятить свою жизнь освоению Северного морского пути ему совершенно не хотелось, казарменная жизнь осточертела. Пора было этот план признать провалившимся, придумывать что-то другое, и он сел писать письмо дяде Владу.

Мартин

Мчится на юг по автобану E7 коричневый «Мерседес». Гельмут Рюб, старший инженер Siemens AG, везет своего сына в аэропорт Франкфурта и мучительно пытается начать разговор.

Ну зачем же ты открываешь уже четвертую банку пива? — хочет он сказать Мартину, но, понимая, что это закончится очередным скандалом, Рюб молчит. Молчит и младшая — она напросилась проводить брата, сидит тихо на заднем сиденье и ужасно жалеет, что поехала: эти двое все время ругаются. Вообще-то, если честно, она рассчитывала доехать до Касселя и остаться у подружки с тем, чтобы папа ее подобрал на обратном пути, но теперь ей и заговорить об этом страшно. Впереди появляются первые указатели на Кассель — ровно полдороги от дома Рюбов в Брауншвайге до Франкфурта, и маленькая Эмма решает:

Папа. Ты должен завезти меня к Стелле.

А ты что с ней созванивалась?

Да. Вчера и сегодня. Она меня ждет.

Папа неожиданно соглашается — он еще надеется на разговор с сыном, и лучше, если это произойдет без младшей.

Через десять минут «Мерседес», зашуршав гравием, остановился у большого красного дома с острой крышей.

Мы провожаем Мартина в Советский Союз! — закричала

Эмма своей подружке.

Стелла с мамой подошли к машине, но Мартин не смог подняться — он уже был пьян.

- И ты даже не обнимешь сестренку? — с нарастающим раздражением спросил отец.

- Я обниму ее, когда вернусь, — нашелся Мартин и помахал рукой. Девочки побежали в дом.

- Через пять часов! — крикнул старший Рюб. — Я заберу ее через пять часов.

Всю оставшуюся дорогу отец и сын не проронили ни слова.

«Где? В какой момент и как я его потерял?» — в тысячный раз думал Рюб и не находил ответа. Мартин рос нормальным, немного замкнутым парнем. Увлекался механикой, но не той, что требует чертежей и аналитического мышления — ему нравилась видимая и понятная механика. В Брауншвайге есть прекрасный Технологический университет, но Мартин учиться не стал, а предпочел уехать в Вольфсбург, где начал работать наладчиком конвейерных линий в концерне «Фольксваген». Отец пару раз навещал его и остался очень доволен — Мартин и еще трое парней снимали большой дом, где каждый имел свою комнату с удобствами. Жили дружно, по вечерам пили пиво в большой гостиной, смотрели телевизор или шли бродить по Порше Штрассе, недавно переделанную в пешеходную зону. Но ничего не длится долго, когда тебе двадцать лет, и вскоре на место уво-

лившихся одного за другим приятелей въехали двое рабочих-итальянцев значительно старше Мартина по возрасту. В доме стало скучновато, монотонная работа тоже не радовала. Вечерами Мартин все чаще наливался пивом в одиночку. Сам ли он ушел из «Фольксвагена» или же был уволен — неизвестно, но к Рождеству 1980 года он вернулся домой и по протекции отца был принят наладчиком в Ziemens AF. В Брауншвайге за близость к границе с Восточным блоком правительство платило неплохую надбавку, и Мартин ничего не потерял в деньгах, но вот характер его окончательно испортился — он стал замкнут, в разговорах язвителен, и только младшая сестренка могла найти с ним общий язык. Женщин он избегал, считая, что большие залысины делают его непривлекательным в их глазах.

Вот это все, что я от тебя унаследовал, — сказал он как-то отцу, глядя в зеркало на свои редкие волосы.

Летом 1981-го завод получил заказ на установку конвейерной линии в СССР, и Мартин неожиданно согласился на длительную командировку в город Свердловск, о котором раньше никогда и не слышал. Впрочем, вскоре передумал и ...передумал вновь, решив таки лететь в эту огромную и странную страну, где 36 лет назад был убит отец его отца.

Вы едете в Советский Союз работать. Зарабатывать деньги. Не пытайтесь играть Джеймсов Бондов, не задавайте русским вопросов, выходящих из темы вашего пребывания в их стране, — говорил представитель Федеральной разведы-

вательной службы (БНД) Германии и продолжил: — Самое главное — это не дать себя скомпрометировать, не попасть в капкан КГБ. Практика показывает, что это легко достигается концентрацией внимания на работе и лимитированием всех контактов с советскими гражданами. Позволю себе повториться, что развитие дружбы между народами СССР и ФРГ не является вашей задачей — оставьте это артистам, музыкантам, писателям и дипломатам! Если все же кто-либо из вас окажется в плохой ситуации, когда советские власти будут предлагать вам сотрудничество, — мы хотим об этом знать! Помните — Федеральное правительство Германии всегда на вашей стороне и будет бороться до конца, безотносительно того, была ли компрометирующая ситуация искусственно спровоцирована КГБ или же вы ее создали сами, по своей вине. Но мы должны об этом знать! Мы просто обязаны это знать!

В Шереметьево бригаду встретил угрюмый вислоносый господин Лемке из посольства ФРГ. Он пожал каждому руку и раздал всем карточки с телефонами дипмиссии. На обороте карточек стоял маленький штамп с двумя московскими телефонами самого Лемке - прямым рабочим и домашним.

Звоните мне в любое время, если того потребует ситуация, но не звоните по производственным вопросам — я в этом ничего не смыслю, — объявил он, подмигнув, и инженеры понимающе засмеялись. В Свердловск, однако, Лемке не полетел, хотя и оставался в Шереметьево, пронаблюдав

посадку группы на рейс до аэропорта Кольцово. Уже довольно давно он был, что называется, в официальной терминологии КГБ «установленный разведчик». Этот негласный титул присваивается работникам посольств и дипломатам после тщательного изучения их деятельности. Списки установленных разведчиков ждут своего часа — до осложнения отношений либо какого-нибудь международного скандала. Тогда «установленные» разом высылаются. Лемке же пока такое не грозит — отношения с ФРГ хорошие, вот и аэропорт этот построен западными немцами. По слухам, циркулирующим в шпионских кругах, существует негласная рекомендация Андропова не усердствовать с высылкой «установленных». В этом есть своя логика, ведь на место высланного приедет другой, про которого еще ничего не известно, а этот уже почти родной — неплохо изучен и местами предсказуем. Тем не менее на Урал господина Лемке не пустили бы ни при каких обстоятельствах.

В свердловском аэропорту гостей встретили две переводчицы с убогим немецким и пригласили в абсолютно новенький, пахнувший сырой резиной автобус. Гостям объяснили, что таких автобусов два и они закреплены за группой на все время контракта. Мартин с любопытством смотрел на мелькающие за окном стройки и бесконечные кривые заборы. Через полчаса, однако, визуальное знакомство со столицей Урала пришлось прекратить — окно залепилось брызгами грязи: город в ней утопал, снега тут ждали как избавления.

Группу разбили на две части — двенадцать человек поселили в гостинице «Центральная», остальных на третьем и четвертом этажах гостиницы «Большой Урал». Инженеры получили индивидуальные номера, наладчиков расселили в двухместные. Гостиничные номера в классификации КГБ делились на «оборудованные» и «необорудованные». Иностранцев категорически запрещалось селить в не оборудованные системами контроля номера.

Соседом Мартина оказался пожилой турок из Мюнхена — иммигрант в первом поколении. Вдоль всей стены над изголовьем кроватей в номерах находилась полая декоративная деревянная панель. Панель эта на самом деле являлась частью довольно сложной системы прослушки. Турок об этом не имел ни малейшего понятия — он сразу поставил на панель в ряд пять фотографий своих детей, развернул маленький коврик и стал молиться, давая Рюбу понять, что никаких общих интересов у них быть не может и поэтому общение лучше свести до минимума. Мартин, впрочем, интересовался не исламом, а выпивкой, и тут открылись серьезные проблемы: алкоголь купить было почти невозможно. Впрочем, не только алкоголь — в магазинах столицы Урала было, что называется, — шаром покати. «Центральный» гастроном города находился прямо перед гостиницей, при этом ничего съедобного там купить было нельзя. Мартин не был стеснен в средствах, но потратить марки в Свердловске было просто невозможно. Не важно, сколько марок ле-

жит на твоём счету, если их нигде не принимают. Менять же валюту на рубли по оскорбительно низкому официальному курсу не имело никакого смысла. В Москве с ее «Березками» иностранцу жить было не так тягостно, но в Свердловске не было ни одного магазина этой сети — город был, как тогда говорили, «закрытый». Впрочем, вскоре эту проблему удалось частично решить. Немцам выдали чеки Внешторга, которые принимали на четвертом этаже магазина «Пассаж» в специально оборудованной закрытой секции. Ирония была в том, что выпускались эти чеки и бонусы для оплаты труда как раз таки советских граждан за рубежом, а не наоборот, но деваться некуда — оставить западных немцев один на один с пустыми полками свердловских магазинов было нельзя и часть зарплаты было решено выдавать чеками. Ассортимент товаров в этой закрытой секции мог вызвать шок у рядового свердловчанина — там были сырокопченые колбасы, крабы и шпроты, сыр и другие продукты длительного хранения. Тут же продавалась одежда и электроника. Рюб сразу купил две картонных коробки чешского пива и другой алкоголь.

Работа была организована в две смены, и жильцы номеров почти не видели друг друга. Наладчиков нарочно распределили так, чтобы один работал днем, а второй в ночную смену. Кормили по специальным талонам в ресторане гостиницы — опытная метрдотель Жанна Матвеевна удивительным образом запомнила всех немцев в лицо и мгновенно усаживала за столик. Справедливости ради следует заме-

тить, что отличить западного немца в Свердловске 1981 года было не такой уж сложной задачей. Мартин сдружился с ресторанным барменом Сашкой и часами просиживал за стойкой, наливаясь алкоголем. Было этому бармену лет сорок, у него отсутствовала ступня правой ноги, что не мешало ему оставаться довольно заметной фигурой в городе — Сашку хорошо знали и менты, и воры, и каталы, и, безусловно, кагэбэшники. Именно у него в баре Мартин познакомился с наигранно печальной девушкой по имени Галя, за что последняя впоследствии «забашляла» бармену стандартные пятнадцать рублей. Грустная Галя не всегда была проституткой — себя она искренне считала жертвой первой несчастной любви. Нежный юноша, на два года моложе рассказчицы, являлся объектом этого глубокого и чистого чувства. Но вот беда — случилось ему трагически разбиться на мотоцикле «Ява». Гале, соответственно, ничего не оставалось, как покинуть родной город Ровно, где все напоминало о любимом, и уехать в Ленинград. Она рассказывала эту историю клиентам так часто, что и сама в нее почти поверила. Со многими такое случается.

В северной столице дела ее пошли неплохо — она схватила разговорный финский и прилично немецкого. Снимала квартирку в Купчино напололам с фарцовщиком Марином и уже начала откладывать кое-какие деньги, как пришла беда. Беда прилетела от товарки по цеху Лели, с которой у Грустной был конфликт. Два цыганенка подстерегли Галю у

подъезда и сильно избили кусками арматуры. После больницы Грустная вернулась на полгода в Ровно и, отлежавшись, рванула в Москву. Однако ж пристроиться в постололимпийской Москве оказалось почти невозможно. Путаны со всех областей и республик Союза, наслушавшись о заработках времен Олимпиады, кинулись в столицу. Найти свою нишу в этом муравейнике честной проститутке было архитяжко. А вот для швейцаров и вышибал наступило золотое времячко. За проход в отель или валютный бар путаны легко давали десятку, и уже ходили слухи, что Максимычу из гостиницы «Белград» после смены проломили голову и забрали у него аж 400 рублей! Эту историю охотно муссировали официанты — традиционные ненавистники швейцаров. Как бы то ни было, Галя смогла снять комнату и пыталась работать в недавно открывшейся гостинице «Космос», — без особого, впрочем, успеха. Именно в «Космосе» от свердловской проститутки Буньковой, дочери крупного уральского партаппаратчика, она узнала о партии бундесов, командированных на Урал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.